

## Борис Стругацкий: «Торжество Закона Халявы состоялось»

Куда катится мир и Россия - в модернизированное будущее или в эпоху нового мракобесия? Что готовит нам завтра? На эти и другие вопросы «АиФ» ответил писатель-фантаст Борис Стругацкий. «АиФ»: - Борис Натанович, как думаете, заслужила ли Россия покой? Или нам нужна Перестройка-2, 3 и дальнейшая перекройка страны? Б.С.: - Подобная постановка вопроса кажется мне сугубо субъективной. «Нужна ли нам Перестройка?» «Надо ли перекраивать страну?» Что это значит: «нужна»? Кому нужна? Мне? Вам? Тете Моте? Да кто нас спрашивает, что нам нужно, а что нет? История развивается по своим законам (большинства которых мы не знаем), движется волей миллионов (по знаменитой Толстовской «равнодействующей миллионов человеческих волей»), попытки отдельных личностей («Великих Мира Сего») изменить ход событий иногда кажутся успешными, а зачастую приводят в кровавые тупики, и во все времена вопросы типа «нужна ли была революция?» содержат в себе не больше смысла, чем вопрос: «нужно ли было падение Тунгусского метеорита?» Метеорит упал потому, что комета прошла слишком близко от Земли. Революция разразилась потому, что возникшие в обществе социальные противоречия и напряжения оказались невозможно разрядить иным путем. На вопрос «почему» иногда ответить удается, - вопрос же «кому нужно» попросту не имеет смысла. Вполне возможно, что очередная Перестройка произойдет. Нетрудно представить, что придется и страну «перекраивать», и в какой-нибудь «изм с человеческим лицом» нас поведут «без долгих слов» - возможных вариантов будущего можно рассчитать множество, и даже каждый раз объяснить, почему срабатывает именно данный вариант, но ответ на вопрос «кому это было надо» ответ, по сути, всегда будет один: так сформировалась равнодействующая миллионов волей. До сих пор рабы? «АиФ»: - Говорят, будто мы снова сползаем в Средневековье. Что впереди? Охота на ведьм, инквизиция, религиозные войны? Одичание масс на фоне технического прогресса? Повесть братьев Стругацких «Трудно быть богом», действие которой происходит на другой планете в эпоху мрачного средневековья, была написана в 1960-х, но и во втором десятилетии XXI века не теряет своей связи с сегодняшним днем и прогнозами на завтра. Какие угрозы для общества, упомянутые в этой книге-притче, актуальны сегодня? Пришествие серых (фашистов) или черных (религиозного ордена), репрессии на книголюбцев (интеллигенцию)? Может, мы уже пережили родимые пятна феодализма? Б.С.: - Родимые пятна феодализма мы не пережили ничуть. И не переживем, пока в народе высок рейтинг мнений типа: «стабильность превыше всего», «любой порядок лучше вашей свободы» и «начальству виднее». Пока неодолимо сильна покорная, а иногда &ndash; даже страстная готовность отдать свою ответственность за течение обстоятельств тому, кто (добром или силой) готов взять эту ответственность на себя, - начальнику, хозяину, вождю. Пока ощущаем себя слабыми, неумелыми, второсортными. На этом самоощущении слабости, неумелости, второсортности массового человека феодализм простоял две тысячи лет, и еще столько же продержался бы, если бы не выяснилось, что вялый покорный холоп &ndash; никуда не годный работник в эпоху машин, интеллектуальных прорывов и бешеного роста производительности труда. «АиФ»: - А что плохого вы видите в стабильности? Разве нестабильность и разруха лучше? Б.С.: - Стабильность стабильности рознь. Есть стабильное движение в направлении прогресса, усложнения, накопления знаний и умений. И есть стабильность застоя, - болота, трясины, социального гниения. Отказ от демократических принципов автоматически приводит к ужесточению авторитаризма, а значит, - к стабильности застоя. Авторитаризм не терпит изменений. В идеале &ndash; никаких. Потому что каждое изменение есть создание чего-то такого, чего еще не было, и для любой авторитарной власти это смерти подобно. Именно поэтому любой авторитаризм исторически обречен: вопреки своему желанию и главной своей цели (сохранить себя в неизменности) он вынужден изменяться, - или превращаться в социальную руину типа Северной Кореи. Что же касается разного рода поганных «реставраций» (вроде инквизиции, нацизма всех цветов и оттенков, идеологических избиений и религиозного фанатизма), то они (по-прежнему) вполне совместимы с нашей «пятнистой» реальностью, ибо не только не противоречат феодальному менталитету, но, как и раньше, порождаются им в переломные моменты схваток властных элит. Просто развитие и нарастающее преобладание менталитета демократического делают такие реставрации менее вероятными. Среди властимущих и власти страждущих все шире и чаще возникают классические Шварцевские вопросы: «А не лучше ли его «ку» вместо того, чтобы «у»?» Не проще ли? Не легче ли? В конечном счете, - не дешевле ли? «АиФ»: - И всё-таки что страшнее - топтаться на месте или идти вперед, пусть даже круша многое на своём пути? Б.С.: - Страшнее и печальнее всего &ndash; невероятная «упругость» менталитета, эта готовность и даже стремление возвращаться в прошлое, это пресловутое «история учит, что она ничему не учит». Есть такое полухитрое правило сопромата: «всякая деформация &ndash; остаточна», так вот иногда кажется, что не всякая. Что нас можно мять, давить, топтать, уязвлять всячески, а мы &ndash; снова и снова возвращаем себе первоначальный облик, словно некий сверхупругий детский мячик, делающийся из поколения в поколение только все более поцарапанным, шершавым и малопривлекательным. Судьба все не устает играть этим мячом, а мы никак не устаем жить битыми и жеваными и только бормочем с некоторым даже вызовом: «нас толкнули &ndash; мы упали, нас подняли &ndash; мы пошли». Конечно, все это лишь грустная иллюзия. Конечно, меняется все. Но медленно, до чего же медленно! И всегда по правилу «шаг вперед &ndash; два назад». И

обязательно под угрозой беды, в предчувствии беды, в ожидании беды. Но меняется! Сравните 2012-й и 1012-й, - малая минута истории прошла, а мир не узнать! Но нас-то в этом мире узнать можно и не трудно. Со всеми нашими ай-педами, тойотами, супермаркетами, марсоходами и ядерными щитами. Со всей нашей обезьяньей увлеченностью пустяками, с приступами обезьяньей ненависти к чужим и чисто обезьяньим обыкновением уступать одному только вожаку, но зато - всегда. С неумением думать, с нежеланием думать, с жадной потребностью верить, вместо того, чтобы думать. Вместе с неизлечимым нашим желанием работать меньше и получать больше. Одна Тысяча Ноль Двенадцатый, а! Мы &ndash; здесь, мы все те же и все такие же и никогда не были другими. Или мы просто не умеем быть другими? Топор и бритва ...Но современный Румата (прогрессор, герой повести «Трудно быть богом» - Ред.) вынужден будет сражаться не за «спрямление истории», не за спасение «книжечеев», вообще не за спасение культуры от «серых» и «черных», - сегодня все это атавизмы и анахронизмы, вроде колониальных войн 18-го века, или крестовых походов детей, или мессионерства века 16-го: никого из подлинно «крутых» властителей Мира Потребления все эти пустяки не интересуют и не привлекают. Идет создание нового мира, устроенного не так, как строился он последние десять тысяч лет и &ndash; похоже &ndash; создающегося вообще не за тем. А зачем, собственно? Человек Потребляющий это социальная единица совершенно особого сорта. Он в своем роде совершенство. Он не нуждается ни в защите, ни в улучшении себя, ни в каких-то новых стимулах к деятельности. Собственно, он вообще не нуждается в какой-либо деятельности и в каком-либо особенном умении, кроме умения потреблять. А этому учиться не обязательно, это умение заложено в нем изначально вместе с неразлучным своим альтер эго &ndash; ленивой, недоброй, предельно самодостаточной обезьяной, смыслом и принципом существования которой и является Закон Халявы. Мир вступил (буквально ворвался) в Эру Потребления, извечный Закон Халявы («больше потреблять ценой меньших усилий») разворачивает свои знамена над всеми континентами, перейдя за пределы жалобных мечтаний в область новой реальности, в которой, вроде бы, не обязательно уже «в поте лица своего есть хлеб свой». Такого мира мы еще не видывали. Не любовь и голод в нем правят, а стремление к власти и жажда крутизны &ndash; самые труднодостижимые, а значит, наивысшие ценности жизни. Закон Халявы (при всей своей пошлости и малопочтенности) управлял, однако, миром на протяжении эпох и эпох, формировал мировоззрения поколений, волочил нас из пещер, через рабство и феодализм в новые и новейшие времена, - но делал это ценой невероятных взлетов человеческого духа, порождая все новые взрывы фантастического интеллекта, - те самые взлеты и взрывы, которые и составляли так называемый прогресс: непрерывное накопление знаний и умений. И все это, по сути, &ndash; во имя и во славу госпожи Халявы, чтобы можно было увеличивать неудовлетворимое потребление ценой наименьших усилий. И вот торжество Закона Халявы состоялось. Еще, конечно, остаются страны и народы, «добывающие хлеб свой в поте лица своего», миллиарды все еще пребывают в этом первобытном состоянии, но без малого треть мира уже может кормить тех, кто задержался в прошлом, кормить пока еще скромно, но уже бесплатно. Процесс пошел, и пошли рушиться старозаветные принципы, век назад еще казавшиеся нерушимыми: «кто не работает, тот не ест», «живи своим трудом, а не чужим добром», «век живи &ndash; век трудись». Еще чего? Зачем? «Пусть трактор работает, - он железный» «Дал Бог работу, да отнял черт охоту»...И выясняется вдруг, что проще дать им всем какой ни на есть жратвы, каких ни на есть развлечений, чем искать им рабочие места, делать их образованными и вообще &ndash; человекоподобными. Проще. Бесхлопотнее. И в конечном итоге &ndash; дешевле. И можно заняться более перспективными делами. «АиФ»: - Разве «халява» не чисто советское явление? Причем тут остальной мир? Понятие &ndash; «урвать на халяву», то есть ловкостью и обманом получить задаром, незаработанное, вроде бы, всегда было присуще только советскому (совковому) менталитету... Б.С.: - Я привык употреблять слово «халява» так, как оно использовалось у нас с незапамятных времен: «дармовщина», что-то, доставшееся тебе без труда и вообще без усилий. В этом смысле в моей терминологии (полушутливый) «Закон Халявы» употребляется как извечное желание нашего брата-примата получать как можно больше за самую малую расплату. Отсюда и скатерти-самобранки, и волшебные лампы, волшебные палочки и волшебники вообще. Так что ничего специфически совкового в халяве нет. Народ любит халяву, - причем любой народ и любую халяву. «АиФ»: - Как же этот самый Закон проявляется на развитом Западе? Разве в США и Европе подавляющее большинство трудоспособного населения не вкалывает в поте лица в страхе потерять работу, лишиться страховки, оказаться на обочине? А японцы не умирают от переутомления? Что изменилось в «потогонке» работодателей и борьбе людей за место под солнцем? Разве им уже «не обязательно в поте лица есть хлеб свой»? Б.С.: - То, что Вы так безжалостно описали, и есть работа Закона Халявы. «В поте лица своего есть хлеб свой» сегодня и в самом деле не обязательно. Но кого в Мире Потребления интересует хлеб? Двухэтажный чизбургер, - это уж как минимум. Вкусная и разнообразная жратва (которая пару веков назад была доступна только избранным). Автомобиль (который век назад был еще почти фантастикой). Дом с такими удобствами, которые два века назад просто не существовали. Возможность легко и свободно путешествовать по всему миру. Невероятные век назад развлечения... Все стало возможно, все стало доступно практически всем, и по сути дела - ценой усилий, ничтожных, в сравнении с теми, которые требовались век назад, чтобы получить просто кусок хлеба с маслом. Конечно, «пот лица

твоего» никуда не делся, но Мир Потребления платит тебе за этот пот исполнением таких твоих желаний, которые век назад просто не существовали. И «умирают от переутомления» в этом мире отнюдь не голодные-изможденные, не голые-босые, не отчаявшиеся родители безнадежно тающих детишек, - умирают Потребители Высокого Уровня, которым пороку не хватило повысить этот свой уровень и которые в поте лица не хлеба в этом мире искали, а совсем других ценностей: карьеры, «чести», «положения». С хлебом как таковым все у них было в полном порядке, и если бы интересовал их только хлеб (пусть даже и с маслом), они вообще могли бы не работать, а жить на пособие, как это и делают сотни миллионов непрехотливых потребителей, которых не смущает их непрехотливость. Необходимость работы ради куска хлеба ушла в прошлое, а вместе с ней — необходимость работы вообще. Потребитель работает теперь не для того, чтобы обеспечить себе минимум, - он работает исключительно ради максимума, потому что минимум общество позволяет себе обеспечивать ему даром. И может быть, современный, реально действующий, Закон Халаявы следовало бы переформулировать так: возможный максимум потребления при полном отсутствии усилий для его получения. Это смотрится, как социальный тупик: миллиарды людей утрачивают необходимость трудиться, жизнь их теряет смысл и цель, и чудовищный груз Прогресса ложится на плечи подавляющего меньшинства: это либо Потребители Высокого Уровня («потребители власти», «карьереры», «почестей», «славы»), либо люди нового типа, - для которых сам труд становится источником наслаждения и радости («Потребители Радостей Труда»). Новый бравый Человек Потребляющий не потерял ни одного дурного своего качества, заработанного веками пещерного бытия, веками рабства и феодального холопства. Он только стал еще безынициативнее, еще враждебнее к переменам, еще неприязненнее к любому труду, требующему усилий. Он потерял необходимость в труде, а значит, - остался без будущего. Еще полвека, век, и последние острова и континенты принудительного, за гроши, труда превратятся в зоны подкармливания и принудительной благотворительности, Человек Потребляющий станет гражданином вселенной и смысл существования цивилизации в тысячелетнем понимании этого слова прекратит бытие свое. (Неизбежный энергетический кризис затормозит этот процесс, но не сумеет вернуть человечество в «век пара и электричества» навсегда. Только на время, пока не будут найдены альтернативные источники энергии, а потом все пойдет по прежнему). Писатели-фантасты Аркадий (слева) и Борис (справа) Стругацкие, 1973 год. Источник фото: РИА Новости «АиФ»: - Почему же сегодня никто никого особо не подкармливает по всей дуге арабских «революций» от Ливии и Мали до Сирии и Афганистана? Наоборот, десятки прежде более-менее благополучных стран и народов оказались намеренно ввергнуты в междоусобные войны, разруху и нищету. Б.С.: - Еще как подкармливает! Чего стоят только сотни тысяч иммигрантов из Африки и Азии, обрушившиеся последние годы на Европу! И помощь продовольствием тому же Сомали. И армии волонтеров из США и Европы в беднейших районах Африки и Центральной Америки, сражающиеся там с безжалостными эпидемиями... Конечно, всего этого еще прискорбно мало, и ни одна из серьезных социальных проблем пока не решена. Но процесс идет. И тренд очевиден, - так же, как тренд на смягчение диктатур и попытки предотвратить междоусобные войны. А ведь всего пару веков назад ничего этого и в помине не было! «АиФ»: - Не кажется ли вам, что есть и другой, более циничный, и потому более реальный сценарий разделения человечества: на тех, кто достоин выжить (и потреблять дальше), и тех, кого уже сейчас толкают в некое планетарное гетто? Б.С.: - Я не любитель конспирологии, и я ничего не знаю о подобных сценариях (сочиняемых, видимо, легендарным Союзом Девяти, мировой семибанкирщиной и прочими вполне таинственными организациями). Более того, я не понимаю, почему подобный сценарий следует считать «более реалистичным», нежели любой другой супер-проект, нацеленный на человечество в целом. Но я зато совершенно уверен, что Время нового Руматы наступит с неизбежностью, лишь когда угроза тупика Эры Потребления сделается общим достоянием. Пока эта угроза скорее абстрактна, чем реальна. Кажется, что все идет путем, прогресс неостановим, потребление благополучно растет, кризисы (любые, включая военные) выглядят преодолимыми. Но ведь угроза этого тупика есть угроза потери будущего. Если ничего больше не надо, то зачем тогда все? Собственно, будущее это единственное, ради чего до сих пор существовало человечество. Во всяком случае, ничего кроме никогда не усматривалось. А у Человека Потребляющего никакого будущего нет. И не надо. У него — повторение настоящего. Но человечество слишком энергоемкая, слишком сложная, слишком динамичная, с огромным запасом устойчивости, структура, чтобы позволить себе просто так сойти на нет, потеряв будущее и не приобретя ничего взамен. И начнутся поиски нового человека, - Человека Воспитанного. У которого системой Высокого Воспитания обнаружен и развит главный его талант, - то умение, которым он владеет лучше многих и многих. Который не чужд потребления, но это — потребление знаний и умений. Для которого высшим наслаждением жизни является успешный творческий труд. В этих людях не будет ничего фантастического, они и в наше время не такая уж редкость: профессиональные группы, слаженные коллективы, «обитаемые островки», населенные этими людьми будущего, спокон веков разбросаны по нашему миру, и Румате предстоит великая задача: превратить исключения в систему и слить островки в континенты. «АиФ»: - А откуда у вас такая уверенность? Может, как уже не раз бывало, в нас снова возобладает зверь (та же обезьяна) и взамен Человека Потребляющего человечество родит что-то еще похуже, например, Человека Плюющего На Все и т. п.? Б.С.: - Разумеется, никакой

уверенности «в неизбежности благоприятного будущего» у меня нет. Я просто описываю наиболее, как мне кажется, вероятный ход истории. Причем совсем ничего не пишу (и стараюсь не думать даже) о том, что будущее, которое нас ожидает, скорее всего, не будет ни «плохим», ни «хорошим», - оно будет ЧУЖОЕ, плохо поддающееся не только оценкам, но и самому обыкновенному восприятию, - переводу с совершенно нам незнакомого языка на привычный. А что касается «безжалостности и немилосердности» людей друг к другу, то на мой взгляд, ничего катастрофического с нами не происходит и не произошло. На мой взгляд, за последние 10000 лет человек не стал ни лучше, ни хуже. А тот, кто думает иначе, впадает в довольно распространенное заблуждение: ему все кажется, что мужик, бреющий бороду лезвием кремневого топора, не джентльмен, - в отличие от того, что бреется сегодня супербритвой с программным управлением. А на самом деле разница между ними только в том, что от первого пахнет хуже, чем от второго. Да и то - это еще большой-большой вопрос, как говорил Винни Пух. Комплекс Бога «АиФ»: - Недавно ушедший от нас фантаст Гарри Гаррисон сказал: «У человечества существует спасительный механизм саморегуляции &ndash; плохие времена не могут продолжаться долго...». Можно ли то же сказать и о России? Б.С.: - Я бы сказал, НИКАКИЕ времена не могут продолжаться долго. И чем заметнее ускорение прогресса, тем короче время релаксации. Теперь человек «рождается, страдает и умирает», успев побывать и в тихом прошлом, и в крутом настоящем и в почти уже не доступном пониманию будущем. Другое дело, что СУТЬ происходящего на протяжении одной жизни меняется до обидного мало: меняется антураж, декорации, «удобства», и неизменны остаются дух, аура, сама атмосфера проносившейся мимо жизни, - трагичного отнюдь не становится меньше да и сами понятия «хорошо-плохо» изменяются поразительно медленно. А Россия наша &ndash; страна на перепутье. Пятисотлетнее рабство норовит повернуть пас в прошлое, «в медленное течение времени», в трясину застоя. А общий мировой тренд подгоняет на европейский путь развития, на проторенную дорогу демократических и экономических свобод &ndash; в Мир Потребления и ускоряющегося прогресса. «АиФ»: - Еще цитата из Гаррисона: «Комплекс Бога - загнать людей в какие-то рамки, хотя бы они того, или нет». Вы согласны? Б.С.: - Не знаю, не знаю. По-моему, человек изначально загнан Природой (Богом? Судьбой?) в такие ШИРОКИЕ рамки возможностей своих, талантов, инстинктов и комплексов, что не нуждается ни в каких дополнительных ограничениях или степенях свободы. «Я царь &ndash; я раб &ndash; я червь &ndash; я бог» Все. Этого уже ни в какие рамки не загонишь. Да и зачем? «АиФ»: - Как вам в этом свете история с панк-молебном Pussy Riot? Говорят, что они выразили волю «несогласных» миллионов... Вы лично их бы простили? Б.С.: - Я лично определил бы их мыть полы в женском монастыре суток пятнадцать подряд. Не терплю хулиганства, а тем более &ndash; хулиганства демонстративного, наглого, вызывающего. То, что хулиганство это имело политический акцент, сути дела не меняет и поганости поступка не отменяет вовсе. Но власть, как это у нас бывает слишком часто, отреагировала на инцидент настолько неадекватно, настолько бездарно, настолько бюрократически тупо, что вместо отвращения к хулиганам вызвала отвращение к себе и к нашей доблестной юстиции. Такое впечатление, что власть поставила себе специальной целью: расколоть российское общество как можно глубже, чтобы пропасть образовалась между людьми, по-разному относящимися к событию, чтобы сделать их взаимно непримиримыми взаимоненавистниками. Я с ужасом и отчаянием читаю, что пишут наши граждане по этому поводу, и наблюдаю, как прирожденные дураки демонстрируют безгражданность своей глупости, отпетые люмпены &ndash; безмерность жестокости своей, а неистовые рабы церкви извергают из себя задержавшееся средневековье, настоянное на злобе и ненависти. Зачем? Зачем и кем запущен это парад крутого взаимонепонимания, яростного желания обличить врага и стереть его с лица земли? Кому это понадобилось? Или это просто «последний откат», решительное и необратимое возвращение в совок? «АиФ»: - А может, это самих людей снедает взаимная ненависть? Возможно, мы стали настолько разные и непримиримые, что уже не способны ужиться в одном обществе, одном российском народе и одной стране? Б.С.: - То, что общество наше расколото, видно простым глазом. Этот раскол &ndash; следствие всей предыдущей истории нашей: и эпоха застоя, и эра сталинизма, и даже царские еще времена наложили на нас проклятие разобщенности, не говоря уж о революции конца 1980-х. Общество с такой историей не может быть едино! Но в этих условиях власть должна прилагать все возможные и невозможные усилия к тому, чтобы раскол сглаживать, сшивать рваные раны полумертвой нашей идеологии, смягчать споры, больше уговаривать, меньше карать... Ничего подобного мы не видим. Власть по-прежнему продолжает искать «виноватых», наказывать «врагов», применять силу там, где должно вести дискуссию и искать компромисса. Все это, конечно, такое же наследие нашей истории, как раскол общества и внутрисоциальная неприязнь. «Так было &ndash; так будет» - не вчера сказано, не нынешним начальством, и никем никогда не отменялось. Нищим не до Марса «АиФ»: - Нужно ли нам освоение дальнего космоса? Зачем посылать живых людей на Марс и другие планеты? Какой с них там прок? Разве марсоходов там недостаточно? Может, не тратить деньги попусту, а решать проблемы Земли?

Борис Стругацкий: В западном Обществе Потребления не вижу ничего плохого

Б.С.: - Вопросов много, а ответ, по сути, один. По крайней мере, у меня. Пока на Земле сотни миллионов людей живут впроголодь, лишены современного медицинского обихода и не имеют ни единого шанса

получить достойное образование, - до тех пор любые «расходы на престиж» (будь то вооружение или Космос) постыдны, недостойны и, фактически, преступны. Я знаю, что у этой точки зрения есть серьезные и компетентные противники. Например, я никогда не рискнул бы вступить в спор с профессионалом, утверждающим, что освоение Космоса вполне может рассматриваться как отрасль фундаментальной науки со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями: реальность получения результатов, способных существенно изменить саму структуру наших знаний о Вселенной; совершенно неожиданные прорывы в области технологии и прикладных наук; может быть, даже какие-то крутые повороты чисто мировоззренческого характера... Все это верно, все это возможно, все это вполне ожидаемо. И тем не менее - блистательно безнравственно. Недостойно человека. Из серии: «смотрится красиво, а внутри &ndash; гниль». Тем более, что по сути Овладение Космосом сегодня, как и 20, и 50 лет назад остается полем битвы за пресловутый престиж и за достижение военного превосходства. «АиФ»: - В новом голливудском фантастическом блокбастере «Морской бой» показана ситуация, когда в ответ на сигнал, посланный учеными в поисках братьев по разуму во Вселенной, прибывают кровожадные инопланетяне, и начинают поработать Землю. Может, в самом деле не стоит привлекать внимание неизвестно кого к космосу, а лучше помалкивать и задуматься о безопасности человечества? Зачем нам SETI, если мы не в состоянии в случае чего отразить нападение пришельцев? Б.С.: - Воистину так! Подписуюсь обеими руками! Пока Земля разрознена, ошестинена внутри себя взаимными угрозами и недовольствами, пока мир наш неустойчив и полон социальных опасностей, нам безусловно надлежит помалкивать, ни в коем случае не стремиться привлечь к себе внимание Сверхцивилизации (а гостями из Космоса могут быть только представители Сверхцивилизации!), - внимательно наблюдать за Небом и уделять как можно больше внимания нашим внутренним делам. Не знаю, поможет ли нам такая осторожность, но она нам, как минимум, не мешает. Хотя Главную Надежду вселяет в нас, конечно, Великое Молчание Космоса (парадокс Ферми), объясняемое прежде всего чрезвычайной редкостью встречаемости во Вселенной «островков жизни».